

РЫЖАЯ БЕСТИЯ.

Рассказ.

Вернувшись из армии, наскучавшись вдоволь на горной заставе по женскому общению и теплу, Юрка Бершов в скором времени женился. Однако семейная жизнь не заладилась. То ли оттого, что встречался со своей будущей супругой всего-то недельку, то ли от горячей молодой крови, которая не хотела идти ни на какие компромиссы в спорах, то ли ещё от чего – неясно. Как бы там ни было – развёлся и уже долгое время холостяковал. Матушка вначале с пониманием относилась к его одиночеству, затем стала намекать на то, что пора бы и остепениться. Потом начала давить на сознательность с жалостью: дескать, умру, а внуков не понянчу.

- Ма, зачем тебе лишние хлопоты? Без них дольше проживёшь.

Та на какое-то время умолкала, с лёгкой укоризной смотрела на сына. Терпела, крепилась и ... опять принималась за старое...

Как-то придя с работы, Юра объявил, что ему дают путёвку в Дом отдыха за усердный труд на благо возродившегося российского капитализма.

- Вот и хорошо, сынок. Может, там какую-нибудь приглядишь, раз свои-то девахи тебя не устраивают.

- Непременно пригляжу,- пообещал, лишь бы успокоить старушку и не возвращаться хотя бы в этот вечер к надоевшей теме...

Приехав в симпатичный Дом отдыха, приютившийся на берегу моря, Бершов быстренько освоился среди десятков таких же тружеников и тружениц, которые прибыли сюда с намерениями не столь уделить внимание своему здоровью, сколь порезвиться от души. Развлекался всяк по своему. Молодёжь «тусовалась» на дискотеках, вечерах, в игровых залах, постарше посещали клуб «Тем, кому за тридцать». Танцевали под магнитофон, под местных «лабухов» или, на худой конец, под баян, меха которого растягивал дородный массовик-затейник Пётр Андреевич. После посещения клуба отдыхающие разбредались парочками по тенистым аллеям парка в поисках свободных скамеечек или более укромных мест.

Оставшиеся вместе с Андреевичем «принимали на грудь» и из зала доносились чуть ли не до утра разухабистые песни с похабными частушками... Случались вечера, когда веселились все вместе.

На таком вечере, где потешали публику и «лабухи», и магнитофон, и раскрасневшийся от вдохновения и духоты массовик-затейник, познакомился с рыжеволосой симпатюлей с эффектным бюстом и зелёными, с поволокою, глазами... Вклинился в изголявшуюся изгибами тел толпу, увидев фигуру с разметающей в такт танца яркой копной волос, завертелся около... Приближаясь к ней почти вплотную или отдаляясь, чувствовал как накатывает будоражащая дух с плотью волна. В такие минуты возбуждения у Юры всегда приятно поламывали передние зубы – будто в знойную пору пьёшь ключевую воду и утоляешь жажду, и смакуешь, и хмелеешь от этого... А зелень глаз то вспыхивала насмешкой, то манила к себе, то отталкивала, но так, чтобы привлечь... Движения рук и тела настолько притягивали, что трудно было удержаться от желания прикоснуться к ним хоть ненароком...

Музыка ещё вовсю грохотала в душном зале, разноцветные блики светофильтров металась по стеклу окон, а Бершов с Ирой (так звали новую знакомую) брели по аллее к шуму моря... Выйдя к прибою, принялись забавляться: неслись за отхлынувшей волной, убегали от воды. Так, играючись, очутились у песчано-скалистого укрытия, которое соблазняло сумеречной таинственностью... Как только тень скрыла их от любопытного взора луны, резко, властно, но в то же время просяще и жадно припал к губам спутницы. Страсть, всепоглощающая страсть тотчас охватила от макушки до ступней... Ринулся туда без оглядки, отмечая где-то в глубине сознания, что и красоткой овладело подобное чувство... В её ответном горячем желании вихрились темперамент, раскованность, естественность, чуткость и напрочь отсутствовали кокетство и жеманность... Так хорошо и безоговорочно легко ему не было ни с одной женщиной.

С этого момента искали всяческую возможность для уединения. Им хватало полминуты для того, чтобы укрыться в нише коридора или остановиться на лестничной площадке и обжечься губами... Будучи в компаниях своих жильцов по комнатам Дома отдыха, проходя мимо, вроде бы случайно касались рук или бёдер, искали и

находили среди лиц сияющие радостью глаза, разговаривая с людьми, обменивались многозначительными взглядами. Это – днём.

А вечером уединялись в своём укрытии у моря. Осыпали друг друга поцелуями, утопая в волнах любви... Юра, пьянея от нежности и наслаждения, удивлялся жаркой пылкости, что источала Ирочка... Ладно, он – холостяк, но она... Замужняя женщина отдавалась так, словно больше его изголодалась по ласке с теплом... Словно она, а не он урывал от жизни в случайных, скоротечных встречах хотя бы частицы призрачного счастья...

- Ты моя рыжая бестия,- шептал, скользя руками по её телу, которое в свете луны казалось изваянием из мрамора. Ирина податливо изгибалась под потоком мужских прикосновений, тихонько смеялась. Целовала лицо возлюбленного, шею, грудь, горячо дышала: «Твоя, твоя... Вся твоя, обожаемый мой...»

Пролетело незаметно время отдыха, и наступили последние сутки пребывания на берегу моря. Соседи Бершова к вечеру уже разъехались по домам. Комната опустела. И, конечно же, она стала местом прощания влюблённых.

Прибой, как было раньше, не шуршал неподалёку, а только шёпотом глухим долетал до приоткрытого окна. Горела свеча на столе, отражаясь в стекле бутылки и фужеров... И тонкие пальцы трепетали у него на груди, и сплетались волосы на подушке. Рыжие да чёрные...

- Я приеду к тебе, обожаемый мой. Приеду...

Юрка замер, серьёзно посмотрев на Ирину, «приземлил» её:

- В деревне ведь живу. В городе только работаю. Приезжаю на выходные к матушке, вкалываю по полной программе: огород, дом и всякое разное... А потом... У тебя же семья...

Заложила руки за голову, помолчала. Затем тихо сказала:

- Какая семья... Только живём под одной крышей... Нет уже ничего. Пусты-ыня... - И неожиданно спросила:

- А у вас коровка есть?

- Есть.

- Я её доить буду.

- Ты?! – Взял руки Иры в свои, переспросил: - Ты? Вот этими пальчиками?

- Представь, именно этими. Живём на окраине города и у нас аж три коровы. И дою их я. Одна. Так что приеду к тебе, повяжу косынку, надену передник, возьму доенку и...

- И сразу покоришь мою матушку.

- Вот здорово!

... Сев за столик купе, Юрий положил на него билет: по вагону шёл с проверкой контролёр. Вместе с билетом прихватил и два листочка бумаги. На одном каллиграфично было выведено: «Ирина Горлицкая» и номер телефона, на другом – деловито, размашисто – начертал цифры Александр Петрович – прораб из Москвы. Петрович пригласил Бершова к себе на стройку, узнав, что тот и в кирпичной кладке горазд, и столярные работы ему по плечу.

Дома быстренько взял расчёт, укатив в столицу. Как всякий провинциал, не привередничал, брался за любое дело, выполняя всё на совесть. Навкальывавшись до ломоты в суставах, до тяжести в мышцах, засыпал крепким сном здорового мужика. Изредка выходил бродить по Москве, любовался улицами, переулками, восхищался масштабами строительства, понимая, что на его век здесь работы хватит. И денежки, главное, платят – не чета прежним заработкам.

Несколько раз звонил Ирине. Сначала никто не брал трубку, потом услышал в ней мужской голос и оставил телефон в покое...

Дружбы с местными не завёл, с товарищами по стройке особо не застольничал – позволял себе лишь изредка побаловаться пивком. Всё вместе взятое не удручало – зато достаточно появилось времени на книги.

В одну из пятниц решил после работы пройтись по магазинам, приобрести кое-что из продуктов. Возвращаясь с покупками в общагу, завернул в книжный, приглядел сборник Л.Улицкой и в хорошем расположении духа порулил к 105-у... Где-то на полдороге к остановке автобуса заметил впереди знакомую фигуру. Это была раздатчица из их столовой с редким для современниц именем Ульяна. Догнал, молча взял из рук женщины увесистую сумку. Метнувшийся испуганный взгляд сменился улыбкой:

- А, это вы, Юра? Спасибо.

Он помог донести ношу до самой двери и очень удивился последовавшему приглашению войти.

Скромная квартира, скромная обстановка, но везде чувствовалась рука хозяйки, привыкшей к чистоте и к рукоделию: всевозможные макраме украшали интерьер.

Ульяна поставила на плиту чайник. Пока тот доходил до кипения, неторопливыми движениями, в которых скользила ранее скрытая от глаз Бершова грация, расставила по местам купленное. Невольно залюбовался ею, отмечая про себя стройность фигуры, миловидность лица, большие (нет, огромные) глаза с лёгкой, как у серны, грустинкой. «Видимо, и у неё получился не очень удачный жизненный расклад», - сделал вывод, упёршись почему-то взглядом в стекло окна. За окном открывался вид обычного городского пейзажа с облупленными многоэтажками, серым асфальтом и листвою на нём, что разбросала наступившая осень... Грустинка, таящаяся в карих глазах Ули, перепрыгнула в его душу, тихонько уюстилась там...

- О чём задумался?- вернул к реальности женский голос.
- Да так... давно не был, наверное, в домашней обстановке...
- Ну, давай распарим чайком твою кручину...

Они довольно долго сидели на кухне, и между ними возникла доверительная атмосфера: рассказали друг другу о своей жизни, об увлечениях, узнали, что у обоих в живых из родителей только матери, которые коротают дни в деревнях...

Уходя, получил приглашение на предстоящие выходные, чем не применул воспользоваться. И стал постоянно навещать гостеприимный дом. Починил ванну, все краны, сколотил раму с сеткой от комаров для двери на балкон, наточил ножи... Ему нравилось что-то крутить, вертеть, клеить, внося таким образом в квартиру устойчивый мужской порядок. Нравилось это и Ульяне.

Их отношения носили неспешный, уравновешенный характер. Не было той страсти, которая жгла Юрия с Ириной. Иногда вспоминал бурные дни в Доме отдыха, но всё уже казалось нереальностью. А действительность... Действительность вот она: посапывает у него на плече и улыбается чему-то... Видимо, что-то снится. Приятное. Спокойное, как и сама спящая.

Бершов привык к суматошной, жёсткой, а порой и жестокой жизни в Москве, где было тихое, уютное гнёздышко, в котором его ждали...

Прошёл год. Юрий засобирился к матери. В одном из своих последних писем она крепко сетовала на царивший во дворе беспорядок, и совесть зашевелилась в душе чада.

- Ты вернёшься? – спросила Уля и грустинка в глазах выросла в тоску. Он обнял женщину, чмокнул в щеку, взялся за поручень вагона, улыбнулся в ответ:

- Непременно.

...Ещё из окна автобуса, подкатывающего к остановке, заметил среди встречающих свою старушку...

Шли по пыльной дороге, отрывочно вели разговор, дожидаясь дома. Свернули на тропинку, та повела их вдоль реки. Знакомые с детства тополя шелестели листвою, словно приветствуя странника. От этого, и от чего-то ещё, неведомого и волнующего, сердце учащённо стучало в груди...

Матушка время от времени как-то загадочно улыбалась, глядя на сына и только подойдя к родному подворью, Юра понял её улыбку: у калитки, в косынке и в переднике, с ведром в руках маячила женская фигура с копной рыжих волос...

г. Москва, ГНЦ,
ноябрь-декабрь 2003 г.